

ДАВА СОБЕЛЬ

ЭЛЕМЕНТЫ
МАФИ
КЮФИ

INSPIRIA

Москва

УДК 929:53(44)
ББК 22.3г
С54

Собель, Дава.
С54 **Элементы Мари Кюри : цена опасного открытия / Дава Собель ; [перевод с английского Э. И. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.**

ISBN 978-5-04-223696-9

Мари Кюри — единственная в мире женщина, дважды удостоенная Нобелевской премии. После трагической гибели мужа она возглавила его кафедру в Сорбонне и в одиночку воспитывала двух дочерей. Дни напролёт проводила в лаборатории, открывая элементы, которые после перевернули мир. Перед вами живой портрет гениальной учёной, сотканный из личных дневников и архивных фотографий.

Она была на Первой мировой, дружила с Эйнштейном и другими великими умами XX века. Обаяла двух американских президентов и стала иконой феминизма своего времени.

Чудаковатая и открытая, она покорила не только вершины науки, но и людские сердца.

УДК 929:53(44)
ББК 22.3г

© John Harrison and Daughter, Ltd. (c) 2024
© This edition published by arrangement
with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
© Перевод с английского языка,
Мельник Э.И.
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-223696-9

*Гарри Артуру Кобрину и Вэну Сэмюэлу Хиксу,
двум будущим феминистам*

Предисловие

Формула кумира:
Мария Кюри (1867–1934)

*Д*аже сейчас, почти через сто лет после смерти, Мария Кюри остается единственной женщиной-ученым, имя которой может назвать большинство людей.

Она достигла своего культового статуса вопреки всем препятствиям, что стояли на ее пути. В ее родной Варшаве женщинам не было позволено даже просто учиться в университете, не то что делать карьеру ученого-исследователя. Однако она добилась своего, в полной мере вжилась в эту роль и играет ее до сих пор.

Нобелевская премия по физике, которую она разделила с мужем Пьером в 1903 году, и Нобелевская премия по химии, присужденная ей одной в 1911 году, бесспорно, обессмертили ее имя. «Дважды лауреат Нобелевской премии» — это звание продолжает служить удобным и кратким объяснением неувядающей славы Марии Кюри. Она была первой в мире женщиной, удостоенной Нобелевской

премии, первым в мире человеком, дважды заслужившим эту честь. И по сей день она остается единственным нобелевским лауреатом, чьи заслуги были отмечены этой наградой в двух разных научных сферах.

Ее медали-близнецы, отлитые из чистого золота, могут служить символом пропасти, разделяющей два разных идеала — женственности и науки. На каждой из этих медалей вычеканено бородатое лицо Альфреда Нобеля, изобретателя динамита. На их обратной стороне две богини в струящихся одеяниях изображают момент научного открытия: Наука поднимает правую руку, чтобы откинуть вуаль с лица Природы, которая стоит, суровая и гологрудая, держа в руке рог изобилия. Сюжет этого изображения относит женщин к сфере аллегории, в то время как имя и фамилия лауреата премии, выгравированные под этой сценой, как правило, принадлежат мужчине в образе Альфреда Нобеля.

Премия 1903 года принесла чете Кюри богатство — в виде денежного вознаграждения в 70 000 франков золотом — и почести. Взамен Мария Кюри помогла Нобелевской премии, которая в то время была новым явлением, будучи впервые вручена в 1901 году, засиять ярким блеском. Общественный резонанс, вызванный ее достижением, точно буря, разнес по всем уголкам мира и ее имя, и название самой награды.

В 1906 году, после безвременной гибели Пьера из-за абсурдной и трагической случайности, скорбящая Мари поклялась продолжить их общий труд. Она заняла место покойного мужа в качестве директора лаборатории Кюри, а также стала его преемницей в Парижском университете, что сделало ее первой в истории женщиной-профессором этого учебного заведения. Занимая столь уникальное

положение, она стала центром притяжения для множества талантливых молодых женщин, которые хотели работать с ней или учиться у нее. Они приезжали и из Франции, и из-за границы, как сделала она сама, когда уехала из родного дома, чтобы учиться в Сорбонне. Среди этих женщин были будущие химики и физики из Восточной Европы, Скандинавии, России, Великобритании и Канады. Опекая учеников в своей лаборатории, она также организовала небольшую кооперативную школу для сыновей и дочерей своих друзей, в которой еженедельно вела уроки физики, совмещенные с практическими занятиями.

К моменту присуждения второй Нобелевской премии она была уже не только прославлена, но и ославлена за скандальный любовный роман. И только Великая война — Первая мировая, которая призвала Марию Кюри на передовую в передвижной рентгеновской лаборатории, придуманной ею самой, помогла восстановить ее репутацию как героини. В 1920-х годах в ходе двух триумфальных туров по Америке она завоевывала новых поклонников, придерживаясь неизменной скромности в одежде и прямоты в манерах, даже когда выступала на многолюдных мероприятиях или встречалась с президентом США. Задолго до смерти она подготовила старшую дочь Ирен к роли своей преемницы в качестве директора лаборатории. Ее младшая дочь Ева, которая оставалась рядом с ней в санатории, где Мария доживала свои последние дни, впоследствии рассказала историю ее жизни — жизни прославленной ученой и любящей матери — в знаменитой биографии с простым заглавием: «Мадам Кюри»

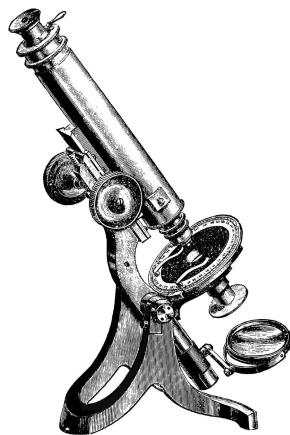
В этом повествовании, как и во многих последовавших за ним, были лишь мельком упомянуты сорок пять

жаждавших стать учеными женщин, которые провели свои формирующие годы в лаборатории Кюри. Они, которых, как и саму Мари, неудержимо влекла тайна радиоактивности и не могли отвратить ее опасности, вместе совершали открытия, тестировали способность радиации лечить заболевания и исследовали неожиданно открывшийся внутри атома мир как источник бесконечной энергии. Некоторые из них вернулись в свои родные страны, чтобы стать там первыми женщинами-профессорами или основательницами университетских факультетов, где преподавали новую науку о радиоактивности.

Повинуясь социальным ограничениям и ожиданиям своего времени и общества, некоторые бывшие питомицы Марии Кюри отказались от карьеры, выйдя замуж. Другие отвергли брак ради того, чтобы заниматься своими исследованиями. А кому-то удалось сочетать то и другое. Они, сдружившиеся в лаборатории, впоследствии объединились в международное общество, поставившее себе целью расширение образовательных и профессиональных возможностей для женщин. Еще долгие годы после того, как окончилась их совместная работа в Париже, они снова и снова перебирали воспоминания о моментах, проведенных в обществе мадам Кюри: в памяти всплывали какие-нибудь ее привычки, высказывания, то, как она потирала утратившие чувствительность под воздействием радия подушечки пальцев друг о друга, или улыбку, иногда освещавшую ее обычно печальное лицо и внезапно превращавшую ее в красавицу.

Часть первая

Школа физики и химии
Париж, улица Ломон, 42

В начале было Слово, и Слово было — водород.

Диана Аккерман.

Планеты: космическая пастораль

Для извлечения урана
из смоляной обманки в те времена есть фабрики.
Для извлечения из него радия есть женщина в сарае.

Лидия Дэвис.

*Мария Кюри, благороднейшая женщина
(из книги «Сэмюэл Джонсон негодует»)*

Глава первая

МАНЯ (водород)

*Ж*енщина, известная миру как мадам Кюри, пришла в этот мир 7 ноября 1867 года под именем Марии Саломеи Склодовской. Младшая из пятерых детей в семье, дома она отзывалась на имя Маня и на уменьшительное Манюся, а иногда и на прозвище Анчупечо. У нее было больше домашних прозвищ, чем у брата и любой из сестер, потому что она была в семье не только «младшенькой», но и самой миниатюрной и не по возрасту смышленной. К четырем годам Маня самостоятельно освоила грамоту и с тех пор читала с такой страстью, забывая обо всем на свете, что старшие дети превратили придумывание всяческих способов отвлечь ее в азартную игру.

Рано проснувшимся интересом к науке она обязана отцу, Владиславу Склодовскому, который преподавал математику и физику в одной из варшавских средних школ для мальчиков. Благодаря ему в семейной квартире были барометр и другие научные приборы, и он с энтузиазмом

рассказывал об этих вещах своему единственному сыну и четырем дочерям. С таким же почтением Владислав относился к языкознанию и литературе. Субботними вечерами, читая детям вслух, он часто выбирал книги на английском языке, например «Давида Копперфильда» Чарльза Диккенса, с листа переводя текст на польский. Французские же или немецкие книги перевода не требовали, поскольку дети разговаривали на нескольких иностранных языках. Отец также привил им особое почтение к поэтам, прославлявшим подвиги героев-поляков.

Единственной ошибкой Владислава, как гласят семейные предания, была его преданность проигранному делу польского национализма. Польша, некогда бывшая крупнейшей страной Европы, постепенно сдавалась под натиском агрессивных соседей — Австрии, Пруссии и России, так что к 1795 году вся территория, долгое время известная под этим названием, была расчленена и поглощена окружающими ее государствами. Граждане, продолжавшие считать себя культурными поляками, объединились, чтобы вернуть стране суверенитет, но националистические восстания 1830 и 1863 годов были жестоко подавлены, вожди повешены, а тысячи их сторонников сосланы в Сибирь. Преподававший в гимназии Варшавы, управляемой русскими, гордый поляк Скłodовский вызвал гнев своего начальства, и его уволили. К несчастью, примерно в то же время патриотически настроенный преподаватель вложил средства, накопленные за всю жизнь, в деловое предприятие мужа своей сестры — паровую мельницу в деревне, — которое прогорело и сделало обоих банкротами.

Еще бóльшая беда постигла мать Мани, Брониславу Богускую-Скłodовскую, которая тоже преподавала в одной

из школ Варшавы и служила директрисой частной школы для девочек. Через несколько лет после рождения пятого ребенка у нее развились первые признаки чахотки — в те времена болезни столь же смертельной, сколь и распространенной. Хотя способы заражения ею были недостаточно исследованы, Бронислава принимала все меры предосторожности, какие только могла придумать, например держала для себя отдельную столовую посуду. Страх заразить детей вынудил ее перестать обнимать и целовать их. Когда болезнь усугубилась, она стала искать покоя и свежего воздуха¹ на горных курортах в Австрии и юге Франции, уезжая туда в сопровождении старшей дочери Зофьи. Два года, начиная с 1874-го, Маня тосковала в долгой разлуке с этими двумя любимыми родственницами.

Тем временем дорогое лечение матери ввергло семью в еще более бедственное положение. Отчаявшийся отец стал селить в доме все больше учеников-пансионеров. Эти мальчики теперь жили в спальнях детей Склодовских, вытеснив Маню и ее сестер в гостиную, куда днем приходили на уроки другие мальчики. Теснота и перенаселенность стали причиной того, что две старшие дочери Склодовских, Зофья и Броня, заразились тифом от одного из них. Броня после нескольких недель лихорадки оправилась, но четырнадцатилетняя Зофья, которая так долго ухаживала за больной матерью, в январе 1876 года умерла. А через два года за ней последовала и мать, скончавшаяся от чахотки в мае 1878 года, когда Мане было десять лет.

«Эта катастрофа была первым большим горем в моей жизни и повергла меня в состояние глубокой подавлен-

¹ Не просто вариант отдыха, а единственный доступный тогда традиционный метод лечения.